

Война и Польша

Польский вопрос в русской и польской печати

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
В61

В61 Война и Польша: Польский вопрос в русской и польской печати / – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 148 с.

ISBN 978-5-458-54075-9

ISBN 978-5-458-54075-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Польша, какъ это ни странно,—невѣдомая страна, *terra incognita*, для русскаго человѣка. О любой изъ европейскихъ странъ русскій интеллигентный человѣкъ имѣетъ болѣе отчетливое представленіе, чѣмъ о Польшѣ. До войны польскимъ вопросомъ въ Россіи не интересовались и когда появилось воззваніе къ полякамъ, говорящее о «растерзанномъ на куски живомъ тѣлѣ Польши», то лишь очень немногіе, читая эти слова, могли себѣ представить хотя бы приблизительно очертанія этого тѣла.

Нѣсколько историческихъ фактовъ, не связанныхъ другъ съ другомъ, нѣсколько событій изъ современной политической жизни и нѣсколько географическихъ названій,—вотъ все, что всплывало изъ тумана забвенія при словѣ «Польша».

При такомъ положеніи дѣла и польскій вопросъ, выдвинутый на первую очередь европейской войной, представлялся чѣмъ-то въ высшей степени неяснымъ и туманнымъ. Книгъ по польскому вопросу на книжномъ русскомъ рынкѣ не оказалось и единственнымъ источникомъ, изъ котораго читатель могъ черпать свѣдѣнія, были газетныя статьи. Послѣднія появились въ изобиліи и русская и польская печать занялась разработкой польскаго вопроса въ связи съ войной; огромное большинство этихъ

статей, порожденных злобой дня, представляет интерес лишь, какъ выраженіе настроенія, отвѣчающаго историческому моменту, но были въ этой массѣ статей и такія, которыя давали кромѣ настроенія и фактическій матеріаль и идейное освѣщеніе польскаго вопроса; изъ этихъ статей и составленъ настоящій сборникъ.

Наибольшее вниманіе въ немъ удѣлено прусской Польшѣ, ибо она и меньше всего извѣстна, и призвана играть въ то же время наиболѣе важную роль въ виду войны съ Германіей. Читатель, не знакомый съ прусской Польшей, съ большимъ удивленіемъ узнаетъ изъ въ высшей степени интересныхъ статей П. Н. Милюкова, что уже давно, задолго до войны польскія газеты въ Познани и въ Западной Пруссіи говорили о Германіи и нѣмцахъ тѣмъ языкомъ, который сталъ обычнымъ въ русской, французской, бельгійской и англійской печати послѣ разгрома Бельгіи и Царства Польскаго. Въ этихъ газетахъ изо дня въ день, изъ году въ годъ писалось о варварствѣ и жестокости Германіи подъ маской культуры, раздавались протесты противъ насилія и грабежа, возведенныхъ въ систему. Дѣло въ томъ, что познанскіе поляки въ повседневной жизни изо дня въ день, изъ году въ годъ выносили на своихъ плечахъ тотъ завоевательный натискъ германцевъ, который вылился теперь въ истребительную войну съ европейской коалиціей...

Этимъ непосредственнымъ столкновеніемъ поляковъ съ Германіей и объясняется отношеніе къ ней польской интеллигенціи: издавна, въ отличіе отъ русской, она питала враждебныя чувства къ Германіи.

Для русской интеллигенціи до войны Германія была прежде всего страной образцовой культуры, университетской науки и социаль-демократіи. Война показала русскимъ Германію въ новомъ свѣтѣ. Въ глазахъ поляковъ Германія всегда была прежде всего государствомъ грубаго

насилія, несмотря на культуру, университеты и социаль-демократію. Проявленіе грубой силы Германіи, глумленіе надъ личностію, систематическое презрѣніе къ праву, безпощадное искорененіе всего, что мѣшаетъ росту нѣмецкой націи—все это выносили на своихъ плечахъ познанскіе поляки, обо всемъ этомъ знали поляки Царства Польскаго.

Только полнымъ незнакомствомъ съ польско-германскими отношеніями, съ чувствами польскаго народа, идеями и настроеніями польской интеллигенціи можно объяснить, что русскіе сомнѣвались, на чью сторону станетъ польскій народъ въ столкновеніи Россіи съ Германіей. И даже послѣ того, какъ отношеніе Царства Польскаго обнаружилось вполне опредѣленно, мнѣ приходилось слышать изъ устъ русскихъ интеллигентовъ-скептиковъ вопросы, дѣйствительно ли поляки предпочитаютъ Россію Германіи? захотятъ ли еще познанскіе поляки присоединиться къ Царству Польскому?

Что полякамъ жилось несладко въ Царствѣ Польскомъ, это всѣмъ извѣстно, но во-первыхъ, и горькое житіе лучше полного уничтоженія, которое несетъ съ собой Германія, а во-вторыхъ, горечь своего существованія и въ Россіи поляки въ значительной мѣрѣ и не безъ основанія приписывали своему сосѣду: Пруссіи.

Раздѣлъ Польши, произведенный по инициативѣ Пруссіи, стремленіе денаціонализировать польскій народъ, боязнь польскаго элемента придавали общность интересовъ германской и русской политики въ отношеніи къ полякамъ. И самый фактъ войны Россіи съ Германіей кореннымъ образомъ измѣняетъ положеніе Польши въ русской государственности: она становится форпостомъ въ войнѣ съ Германіей и эта роль ея въ современной войнѣ отвѣчаетъ ея вѣковой традиціонной борьбѣ съ германизмомъ.

Эта мысль ясно проведена въ статьяхъ польскихъ

авторовъ, вошедшихъ въ настоящій сборникъ: Александра Свентоховскаго—ветерана польской публицистики, Іосифа Вейсенгоффа—извѣстнаго польскаго романиста и А. Р. Ледницкаго, эта же мысль выражена и въ русскихъ статьяхъ этого сборника (статьи П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, передовыя «Русскихъ Вѣдомостей»).

То, что ясно сформулировано русской и польской публицистикой, смутно живетъ въ душѣ польскаго крестьянина, который при первыхъ вѣстяхъ о войнѣ, рѣшилъ, что нѣмецъ идетъ отнять у него землю (см. статью «Польскій пахарь-солдатъ»).

Объ это антигерманское настроеніе польскаго народа разбилась и такъ называемая «австрійская орьентація». Тѣ политическія и національныя свободы, которыми пользуются поляки въ Галиціи, сохранившіеся и развившіеся тамъ очаги польской культуры, въ видѣ польскихъ университетовъ, музеевъ, книгохранилищъ, естественно рождали и у уроженцевъ Галиціи и у поляковъ-эмигрантовъ, нашедшихъ въ ней пріютъ, желаніе и готовность защищать эти блага. Въ умахъ, склонныхъ принимать желаемое за дѣйствительное, возникла идея превращенія Габсбургской монархіи въ федерацію славянскихъ народовъ. Но эти желанія и мечты безжалостно разбивалъ фактъ союза Австріи съ Германіей, и даже подчиненія ея послѣдней. Пишущій эти строки находился въ Галиціи въ моментъ, когда уже въ воздухѣ чувствовалась военная гроза и говорили открыто о войнѣ съ Россіей, и ему приходилось не разъ спорить съ сторонниками «австрійской орьентаціи». Они упорно закрывали глаза на союзъ съ Германіей и рассуждали такъ, какъ если бы была одна только Австрія. Я помню, какое ошеломляющее и удручающее впечатлѣніе на нихъ произвелъ тотъ фактъ, что Германія, а не Австрія первая объявила войну и тѣмъ подчеркнула свою руководящую и первенствующую роль.

Что же должны были они переживать послѣ Калиша, во время движенія германцевъ на Варшаву?

Одинъ юный галиційскій стрѣлокъ на мой вопросъ, какъ же онъ будетъ заодно съ пруссаками дѣйствовать, отвѣтилъ:

— Заодно съ пруссаками мы не будемъ...

— Ну, а если пруссаки войдутъ въ Царство Польское?

— Если мы увидимъ пруссаковъ, то будемъ стрѣлять по нимъ...

Вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ который попадалъ неизбежно польскій интеллигентъ съ ненавистью къ Германіи и съ надеждами на Австрію. Крестьянская польская масса этихъ колебаній и противорѣчій не знала: она—противъ нѣмца въ борьбѣ за землю. Вотъ почему толпы запасныхъ въ Царствѣ Польскомъ такъ охотно шли на призывъ, и вотъ почему, съ другой стороны, толпы польскихъ солдатъ австрійской и германской арміи такъ охотно сдавались въ плѣнъ.

Позиція, занятая огромнымъ большинствомъ поляковъ въ этой войнѣ, позиція народная, демократическая. Борьба за освобожденіе Польши изъ-подъ германскаго ига—борьба за демократическую Польшу. Познань и Силезія—это самыя демократическія части Польши: въ Познани мы имѣемъ сильное польское крестьянство, въ Силезіи—польскій рабочій классъ, занятый въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ нѣмцамъ; сохранился польскій элементъ и въ нѣкоторыхъ округахъ Западной и Восточной Пруссіи, но исключительно въ народныхъ низахъ, верхніе слои общества нѣмечены. Идея соединенія въ одно цѣлое Польши въ этнографическихъ границахъ—идея *демократическая*. Въ этнографическую Польшу должны войти области съ польскимъ народомъ, какъ Силезія, и не войдутъ такія области, какъ Восточная Галиція, Бѣлоруссія или Литва, гдѣ высшіе слои общества польскіе, но большинство народа не польское.

Насколько эта идея этнографической Польши широко распространена въ польскомъ обществѣ читатель можетъ судить по помѣщенной въ сборникѣ статьѣ В. Б. «Этнографическая Польша», взятой изъ консервативнаго журнала «Kraj», органа партіи роялистовъ, опирающейся на крупное польское землевладѣніе, то-есть именно на тотъ слой общества, который больше всего, склоненъ отстаивать историческія, а не этнографическія границы Польши. «Народная демократія» тоже стоитъ теперь на этнографическомъ, а не на историческомъ принципѣ, а про настоящую польскую демократію и говорить уже нечего. Признание этнографическаго принципа, конечно, не устраняетъ еще спора о томъ, какъ лучше осуществить его въ жизни. Точное установленіе этнографическихъ границъ, отдѣляющихъ области съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ отъ областей съ украинскимъ, бѣлорусскимъ, литовскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ, можетъ быть лишь результатомъ очень сложной работы. Прилагаемая здѣсь карта даетъ приблизительное представленіе объ этнографической Польшѣ, даетъ общія очертанія того «растерзаннаго на куски живого тѣла Польши», о которомъ говоритъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго и на которое сейчасъ легла тяжесть величайшей въ исторіи войны.

Л. Козловскій.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССИИ.

Порывы бури стряхиваютъ съ вѣтвей созрѣвшіе плоды. Такъ бываетъ нерѣдко и въ государственной жизни. Назрѣвшія и задержанныя силами инерціи преобразованія, въ минуты великихъ кризисовъ, изъ области стремленій и чаяній, неожиданно переходятъ въ область реально-осуществимаго. Минуты великаго подъема и напряженія силъ проясняютъ и обостряютъ коллективное сознаніе людей, сметають какъ ненужный мусоръ страхи и предубѣжденія, накопившіеся въ застоѣ повседневной будничной жизни, и въ одинъ моментъ сокрушаютъ тѣ преграды, которыя раньше казались непреодолимыми.

Такое превращеніе на нашихъ глазахъ происходитъ въ сферѣ русско-польскихъ отношеній. Десять лѣтъ тому назадъ, когда передъ Россіей встали основныя проблемы ея государственной жизни, повелительная необходимость ликвидаціи «сѣмейной вражды», тѣсная связь между обновленіемъ Россіи и разрѣшеніемъ польскаго вопроса,—были ясно сознаны наиболѣе дальновидными представителями обѣихъ національностей. Была найдена и провозглашена основная формула русско-польскаго примиренія. Послѣдующее направленіе русской политической жизни отгѣснило на задній планъ выдвинутую силой вещей задачу и нагромозило рядъ препятствій на пути къ ея осуществленію.

Въ послѣднее время казалось, что мы стоимъ дальше, чѣмъ когда-нибудь, отъ ея разрѣшенія. Но военная гроза разомъ придвинула насъ вплотную къ тому, что еще недавно брезжило далекимъ мерцаніемъ въ смутной дали будущаго. Надо отдать справедливость польскому народу: въ критическую минуту въ немъ проснулся вѣрный историческій инстинктъ, который, несмотря на всѣ прошлыя столкновенія, потянулъ его къ Россіи, далъ ему «русскую оріентацію», какъ выражаются поляки. Этотъ инстинктъ не былъ обманутъ. Движеніе къ сближенію со стороны Польши встрѣтилось съ такимъ же движеніемъ съ русской стороны. Нѣсколько дней тому назадъ мы выражали надежду, что общая борьба русскихъ и поляковъ противъ натиска воинствующаго германизма принесетъ съ собой ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса. Эти надежды начинаютъ сбываться даже быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Великій историческій шагъ сдѣланъ. Признана историческая ошибка, совершенная въ эпоху раздѣловъ Польши, и перейденъ Рубиконъ, за которымъ начинается новая эра въ исторіи русско-польскихъ отношеній. Въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго схема будущаго уклада этихъ отношеній намѣчена, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но эти черты совпадаютъ въ направленіи съ основными линіями плана разрѣшенія польскаго вопроса, выработаннаго совмѣстными усиліями русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей въ эпоху освободительнаго движенія. «Воскресеніе польскаго народа, возрожденіе «Польши, свободной въ вѣрѣ, языкѣ и самоуправленіи», «уваженіе къ правамъ національностей, съ которыми связала поляковъ исторія»,—эти положенія воззванія при нѣкоторой разности въ терминологіи, вращаются, несомнѣнно, въ кругу тѣхъ же общихъ идей, какъ и формулы 1904 — 1905 годовъ. Въ области русско-польскихъ отношеній развертываются новыя и широкія перспективы.

Какъ мы недавно указывали на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ загорѣвшей европейской борьбѣ поляки занимаютъ совершенно своеобразное, трудное и отвѣтственное положеніе; въ борьбѣ славянства противъ нѣмецкаго *Drang nach Osten* имъ выпала на долю особая историческая роль. Неудивительно поэтому, что изъ всѣхъ, существующихъ въ Россіи національныхъ вопросовъ, первое вниманіе удѣлено именно польскому вопросу. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что переломъ нашей внутренней политики, выразившійся съ такой яркостью въ опубликованномъ знаменательномъ актѣ, неизбежно коснется не только поляковъ, но и другихъ народностей Русскаго государства. Духъ единенія и солидарности, вспыхнувшій съ такой силой среди разноплеменнаго населенія имперіи и сплотившій его въ одно цѣлое, готовое дать единодушный отпоръ врагу, не можетъ не произвести глубокаго воздѣйствія на взаимныя отношенія различныхъ группъ этого населенія. И это воздѣйствіе уже обнаружилось. Съ перваго момента проявленія того сверхнаціональнаго, общегосударственнаго патріотическаго чувства, которое отмѣтилъ въ помѣщенной у насъ статьѣ кн. Трубецкой, стало ясно, что именно въ этомъ чувствѣ лежитъ для насъ залогъ успѣха, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ непреодолимой, бьющей въ глаза очевидностью обрисовалось вопіющее противорѣчіе между моральнымъ единодушіемъ страны и юридическими перегородками, отдѣляющими другъ от друга различныя группы ея населенія. Перегородки эти на нашихъ глазахъ начали падать сами собой. Уже сдѣлана фактически брешь въ правилахъ о чертѣ осѣдлости, ибо слишкомъ рѣзко противорѣчило бы переживаемому моменту и настроенію выселеніе изъ столицы людей, бѣжавшихъ туда изъ-за границы отъ оскорбленій и насилій, обрушившихся на нихъ, какъ на русскихъ гражданъ. Даже люди консервативныхъ убѣжденій вдругъ почув-

ствовали психологическую невозможность поддерживать и отстаивать національныя ограниченія. «Сейчасъ нѣтъ ни эллина, ни іудея,—есть только граждане русскаго государства»,—эти слова раздались изъ устъ православнаго священника въ собраніи одной изъ правыхъ организацій. Но если нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ на войнѣ, предъ лицомъ врага, то не можетъ его быть въ мирѣ, среди повседневнаго теченія жизни. Нельзя представить себѣ, чтобы люди, сражающіеся и умирающіе за Россію, могли считаться въ ней гражданами второго разряда.

Идущіе въ бой инородцы должны знать, что они идутъ на защиту общаго отечества, которое для нихъ не чужой, а свой домъ, въ которомъ есть мѣсто для свободной жизни и развитія ихъ народности. Населеніе окраинъ, угрожаемыхъ непріятельскимъ нашествіемъ, должно чувствовать себя живой неразрывной частью государственнаго организма, связанной съ его центромъ своими насущными жизненными интересами.

Возникшее предъ внѣшней опасностью духовное единеніе разноплеменнаго населенія Россіи должно быть разъ навсегда закрѣплено правовой организаціей, обеспечивающей каждой народности ея мѣсто въ общемъ отечествѣ, предоставляющей инородцамъ полноту гражданскихъ правъ и свободу національно-культурнаго развитія.

Никогда чувство государственности не было такъ сильно въ населеніи Россіи, какъ въ настоящую минуту. Нужно дать ему просторъ, нужно устранить всѣ искусственныя преграды, стоящія на его пути, и оно явится для насъ твердой, несокрушимой опорой въ предстоящей борьбѣ. Несовмѣстимый съ жизненными интересами государства узкій націонализмъ распадается самъ собой, онъ таетъ какъ воскъ отъ лица огня. Мы должны смѣло вступить на новый путь, на который насъ ведетъ исторія.

„Русскія Вѣдомости“.